

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo
Central B
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión №. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XIII

Buenos Aires, martes, 7 de febrero de 1961

Буэнос Айрес, вторник 7 февраля 1961 года № 576

E. Месснер

Мир глядит на Кеннеди

“Мы хотим, чтоб Черчилли сразу нас излечили, мы с тревогой взираем в жизни хмурую даль”, — писал в 1919 году поэт-фельетонист киевской газеты. Сейчас не киевляне, а весь свободный мир с тревогой взирает в жизни хмурую даль и хочет, чтобы Кеннеди сразу нас излечил. И даже те из русских, которые, равно ненавидя слова “республика” и “демократия”, предполагали бы видеть президентом республиканца Никсона, примиряются с победой демократа Кеннеди и немного надеются, что он все-таки “излечит”. Но сперва: “Врачу, исцелися сам”.

Первым делом надо очистить Августы конюшни американской дипломатии от таких (с точки зрения Кремля “полезных глупцов”), как Роботтом, который способствовал Фидель Кастро, потому что был уверен, что нет доказательств, будто этот “прогрессист и либерал” стоит под коммунистическим влиянием. Американский дипломатический корпус полон Роботтомов, которые с интеллектом механических роботов трудятся на пользу Москвы, сами того не понимая.

Москва надеется, что Кеннеди пойдет по стопам Рузельта, который, по завершении войны приказал своим сотрудникам: “Давайте русским все, чего бы они ни попросили”. Но Рузельт был диктатором мира, потому что весь цивилизованный мир лежал в развалинах, а над ними высился американский колосс. Сейчас нет больше развалин и колосс перестал быть мощью без конкуренции, мощью, не встречающей со- противления.

В 1946 году вожак германских социалистов отлично резюмировал проблему международных прав и обязанностей: Америка настаивала на тотальной победе (на капитуляции Германии) и поэтому на ней лежит тотальная обязанность помочь поверженным стать на ноги. И Америка помогла врагам, павшим под тяжестью поражения, и павшим под тяжестью победы своим союзникам. Государства Европы стали клиентами, приживальщиками Америки, и Америка делала за них международную политику. Истощенная войнами Европа потеряла духовную гегемонию в мире и выдвигала на государственные посты серых людей — Иднов, Мендес-Франсов, Слааков — и поэтому гегемония была в руках американцев Труманов и Ачесонов; эти тоже были се-ры, но они опирались на доллар.

Сейчас доллар перестал быть единственной опорой в мире: выздоровел фунт стерлингов, восстал из пепла войны марка. Европейские приживальщики-клиенты хотят быть партнерами Америки и сама Америка просит их быть партнерами в грандиозном финансово-политико-психологическом предприятии, называемом “помощью развивающимся странам”. Труман мог приказывать и покорная, потому что нищая, Европа помогала и в создании воздушного моста в Берлин и в образовании фронта в Корее; Айзенхауэр-Даллес прикрикнули на Англию и Францию с Израилем и Суэцкая война прекратилась в одночасье — хотя Европа в то время уже и окрепла, но еще не могла перечить американскому окрику. Но Айзенхауэр-Хертер перестали быть повелителями — Европа настолько оправилась от последствий войны, что даже антиколониалистические потрясения в Азии и Африке не понизили ее уверен-

ности в себе: Германия конкурирует с САСШ на рынках Азии, Латино-Америки, Африки; Франция становится атомной силой; Англия на базе фунта создает в Европе группу из 6 держав, в противовес группе из 7 держав, базирующихся на доллар.

Кеннеди стоит лицом к лицу с эманципировавшейся Европой. Германия хочет дружить с Америкой на основе равноправия (и при явном антикоммунизме христианских демократов в ней, имеет под спудом готовность ее социалистов не только к сосуществованию с Советами, но и к соглашению с ними). Франция в руках амбициозного де Голля стремится к водительству Европой и требует замены в Атлантической Коалиции дуумвирата Вашингтон-Лондон-триумвириата Вашингтон-Лондон-Париж. Лондон, на протяжении ста лет творивший в Европе свою политику “европейского равновесия”, вздумал теперь быть стержнем весов всемирной политики “равновесия нуклеарного и ракетного оружия”.

Прилегающая к Тихому океану часть Азии — антикоммунистические государства — поглощают ежегодно полтора миллиарда долларов, в качестве помощи, но вассалами Америки себя не считают. В Африке доллару-благотворителю приходится бороться с рублем-демагогом. В части Латино-Америки ориентация (Запад или Восток?) стала биржевой ценностью: кто больше сулит, в те руки может и перейти; хотя Кубой руководимый экстремистским ажиотажом и пошел на убыль, но проблема восстановления идеологического единения 21-го государства Америки требует решения.

Деление мира на две части — свободную и коммунистическую — заменяется делением на три части: Третья Сила хочет быть вне соперничества Востока с Западом, находясь в роковом заблуждении, будто можно оставаться нейтральным, когда Кремль трудится над тотальной, всемирной революцией. В Организации Объединенных Наций Америке с Англией, благодаря наглости, напористости, назойливости кремлевской дипломатии, вызывающей всюду раздражение, удается предводительствовать, но работа в этом учреждении стала неимоверно трудной, потому что в числе 99 ее членов есть много черных и желтых младенцев, по незнанию протягивающих рученки к ядовитым ярко-красным цветкам. Америка с трудом водительствует в ООН и человек в Белом Доме с трудом водительствует в Свободном мире: Рузельт был диктатором, Кеннеди будет *primus inter pares* (первым среди равных), причем в группу равных — Англия, Франция, Германия — стараются притиснуться Индия, Италия, Канада, Бразилия и т. д.

И все же может наступить эра Кеннеди. Для этого есть основание, а может быть и есть возможность.

Основанием для сотворения новой американской эры являются свойства американской нации. Хотя в ней давно улегся восторг от победы 1945 года, унылые годы Трумана-Ачесона поставили перед ней государственно-идеологический вопрос “как жить?”, а катастрофические месяцы Айзенхауэра-Хертера выдвинули пессимистический вопрос “как выжить?”, все же в стране неограниченных возможностей имеется неограниченный запас оптимизма.

Ана оптимизме, на уверенности в победных возможностях американской государственной, капиталистической, социальной системы можно строить политику и дипломатию эпохального напряжения и достижения. Не надо лишь повторять ошибки тех тысяч американских эмиссаров, финансовых и технических советников, журналистов и культуртрегеров, которые с 1946 г. заполнили Свободный мир, великолепно помогая и отвратительно навязывая всему миру американский уклад жизни и склад понятий. Это сделало их нелюбимыми всюду. Но они станут желанными, если Америка будет помогать, но не американализировать.

Кроме оптимизма, базой американского влияния является американская честность. 27 миллиардов долларов раздали САСШ государствам Европы по “плану Маршала” и никакой аферой (кроме некоторой утечки товаров на черный рынок) не запятнали американцы эту великолепную акцию. В век всеобщей бесчестности такая честность представителей нации не может не быть сильным оружием в руках Кеннеди, если он объявит всемирный крестовый поход против красных сил бесчестия, бесчеловечности, безбожия.

Склонен ли Кеннеди к возвращению такого похода? Способен ли? Отважен ли?

На первые два вопроса еще нельзя ответить, если не считать ответом его “tronную речь”, в которой он указал, что к власти пришло поколение, рожденное в XX веке и закаленное в войне.

На третий вопрос он ответил утвердительно в своей книге, написанной им 5 лет тому назад. В ней он описывал и прославлял действия тех американских государственных мужей, которые, не боясь поставить на карту свою политическую карьеру, противились общественному мнению, мнению слепой толпы и ее слепых поводырей. Кеннеди воспел гражданское мужество. Надо поэтому думать, что он сам обладает гражданским мужеством, чтобы отнести затасканные мысли Липпмана, Стивенсона, Трумана, не устыдившегося своих промахов, и развязно-вдовствующей г-жи Рузельт. Найдется ли в Кеннеди достаточно гражданского мужества, чтобы в Америке и в Свободном мире воплотить в победоносное действие НОВЫЕ мысли и идеи? И найдет ли он в себе и своих сотрудниках творческие мысли, одушевляющие идеи?

E. Месснер

Николай Кремнев

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Неоднократно писалось на страницах “Нашей Страны” о нашем отношении к “сателлитам”, то есть к странам восточной Европы отданным с согласия Запада в советское рабство. Не мешает напомнить одну (из многих) роковых ошибок Свободного мира, совершенную вследствие недостаточной информации о мировых целях советской власти, а затем и попустительства, слабости и трусости. По языку советскому восточная Европа должна была быть оккупированной Красной армией, чтобы впоследствии, занятые ею страны, путем свободного голосования, решили бы судьбу своих политических режимов, после чего из этих стран Красная армия должна была уйти. Можно лишь поражаться наивности и доверчивости демократий, надеявшихся, что под охраной Красной армии произойдут соответствующие плебисциты, а затем и эвакуация этих стран советской властью.

Но кроме наивности и доверчивости выявилось и безмерное невежество в познаниях целей Коминтерна, страну за страной прибирающего к советским рукам еще недавно свободные государства. Может быть, все эти совершившиеся с 1939 года факты теперь и верно оценены демократиями, но сейчас поздно реагировать на этот советский грабеж, ибо следовало бы произвести вооруженное выступление в целях освобождения этих “сателлитов”, что не является возможным ныне, вследствие перманентной слабости и трусости бывших союзников большевиков во Второй Мировой войне. Венгерские события 1956 года сами за себя говорят. С нашей, российской точки зрения, российским интересам, вследствие закабаления стран восточной Европы, был нанесен трудноправимый ущерб. Мы можем бесконечно и на все лады утверждать, что закабаление совершено не русским народом, не правомочным его правительством, а международной организацией, Коминтерном, поставившим себе цели мировой коммунистической революции, хотя большинство руководителей этой организации и являются русскими людьми. Если к этому прибавить, что состав оккупационных советских армий в “сателлитах” состоит из русских людей, да еще одетых в

† 13-го января с. г. скончался мой дорогой муж

БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ МЕДВЕДЕВ

В субботу 18-го февраля с. г., в 40-й день его кончины, в Кафедральном соборе Воскресения Христова в 5.45 вечера будет отслужена панихида, на которую приглашают друзей вместе со мной помолиться.

Мария Медведева

† После тяжкой болезни 21-го января 1961 г. в 9 час. утра скончалась

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ПОНОМАРЕНКО,

урожденная ВЕСЕЛОВА,

о чем с глубокой скорбью извещают: муж покойной И. М. Пономаренко, сестра В. М. Михайлова с мужем, doch покойной Т. И. Степанковская с мужем и детьми, сын покойной Валериан Голендеров с женой и дочерью, племянница-крестница Людмила Д. Безрукова-Михайлова с мужем и дочерью Тиной и А. С. и Г. Г. Любаривские.

Похороны состоялись 23 января на Британском кладбище в Б. Айресе.

русскую историческую военную форму, то делается совершенно понятным наличие жгучей ненависти оккупированных народов не только ко всему советскому, но и ко всему русскому. Это и является нашей российской подлинной и страшной трагедией вследствие совершенного советской властью порабощения народов восточной Европы. А потому мы искренне негодуем и горько скорбим по поводу такого создавшегося невыносимого положения в странах сателлитах как для них самих, так и для нас, свободных русских людей, хотя мы и протестуем непрестанно против этих преступлений советской власти, стараясь убедить угнетенные народы, что российский народ никак не может нести ответственности за деяния советской власти, в первую очередь обратившей в рабство российский народ.

Тем более было нам отрадно прочитать в майском номере издающегося в Париже польского эмигрантского журнала "Культура", вышедшего специально на русском языке, предложение вступить в русско-польский диалог российским и польским эмигрантам на предмет обсуждения будущих отношений свободных русского и польского народов после освобождения их обоих от советского ига. Журнал "Культура" утверждает: "В прошлом главным источником раздоров между Польшей и Россией была борьба за гегемонию в Восточной Европе. Последним отголоском восточной политики давней Польши была киевская экспедиция И. Пильсудского. Эта глава истории окончательно закрыта. Вместе с большинством наших соотечественников мы считаем настоящие границы Польши в принципе установленными и не предъявляем территориальных претензий ни кому. Тем самым мы констатируем, что между Польшей и Россией нет споров о территории... У нас нет... вообще каких-либо других предметов спора. Все, чего мы хотим, это возвращение нашей независимости и ничего больше. Тогда только погаснет ненависть между нашими странами и откроются возможности добрососедских отношений, основанных на разуме и добре воле".

Для нас этого совершенно достаточно. Собственно говоря, в таком случае даже нет нужды в русско-польском диалоге. О чем спорить и о чем договариваться? Разве что о том, как наилучше окончательно и бесповоротно поставить крест на все трагические ошибки русско-польских отношений в прошлом, забыть о них и никогда больше не возвращаться к их зловредному перебиению. Но уже теперь мы можем торжественно утверждать, что как только российский народ освободится от ига советской власти, немедленно будет приступлено новым Рос-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СОВЕТНИКИ КЕННЕДИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Новый президент Соединенных Штатов Джон Ф. Кеннеди объявил, что в своей политике по отношению к СССР он будет пользоваться советами экспертов, которые будут сотрудничать с новым государственным секретарем Дином Рэском.

Этими экспертами будут: посол Соединенных Штатов в Москве Ллевеллин Томпсон, бывшие послы в Москве Чарльз Болен и Джордж Кеннан, из которых первый состоит на службе государственного департамента в Вашингтоне, а второй принадлежит к числу профессоров Принстонского университета, и состоящий на службе американского совета внешних сношений профессор Колумбийского университета Филипп Мозли.

ЕВРЕИ ПРОТИВ СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

"Новое Русское Слово" сообщает, что объединенное руководство еврейских организаций в Соединенных Штатах передало на рассмотрение подкомиссии Объединенных Наций по борьбе с дискриминацией подробный доклад, обвиняющий СССР в антисемитизме. По мнению еврейских организаций, начало антисемитизму власти в СССР было положено Сталиным, а Хрущев продолжает ту же политику. Евреи в СССР, — уверяют авторы доклада, — единственная народность, "лишенная основных прав, которыми пользуются все остальные, населяющие Советский Союз, национальности". Советская власть, — по словам авторов доклада, — лишила еврейское население школ, газет, издательств, книг, журналов и театров на еврейском языке.

Правительством к обсуждению соглашения со странами сателлитами нынешнего Сов. Союза, одновременно с нами освободившимися от советского рабства, к выводу бывших советских войск, ставших российскими, и тем самым переставших проводить задачи Коминтерна, из их пределов в самые кратчайшие сроки. У нас многое будет дела у себя по восстановлению российской национальной государственности, которая неустанно будет стремиться к мирным, дружественным и добрососедским отношениям со всеми народами на всех обширных российских границах как в Европе, так и в Азии.

Наколай Кремнев

Доклад определяет число евреев в СССР в 2 миллиона 268 тысяч человек, но из этого числа, — признает доклад, — только 472 тысячи считают еврейский язык своим родным языком.

"ДЕЛО ПОЛКОВНИКА МЯСОЕДОВА"

Нам пишут из Лондона:

Известный польский писатель-эмигрант, Иосиф Мацкевич, автор нескольких произведений, в том числе переведенного на многие языки романа "Контра", изображающего судьбу казачества во время Второй Мировой войны и, в частности, выдачу казаков англичанами в Лиенце, закончил новый роман — "Дело полковника Мясоедова". Это новое произведение Мацкевича вскоре выйдет из печати на польском языке в Лондоне. Его завязкой служит нашумевшее в годы Первой Мировой войны дело русского офицера, полк. Мясоедова, признанного виновным в шпионаже в пользу Германии и приговоренного к смертной казни. Мацкевич, изучивший дело Мясоедова, пришел к выводу, что оно имело сложные последствия, которые ему удалось проследить до конца Второй Мировой войны, то есть 30 лет спустя после осуждения и казни Мясоедова.

ТЕЛЕГРАММА ДОБРЯНСКОГО

Нам пишут из Нью Йорка:

Известный ненавистник России и пропагандист ее расчленения, председатель комитета Украинского Конгресса в Америке, проф. Лев Добрянский, послал телеграмму делегату национального Китая в Объединенных Нациях Тинги Ф. Чангу. В этой телеграмме Добрянский, от имени "более двух миллионов американских граждан украинского происхождения", поблагодарил китайского делегата за речь, произнесенную им в декабре 1960 года в Объединенных Нациях при обсуждении проблемы колониализма.

В этой речи, одинаково направленной против коммунизма, как и против исторической России, Тинги Ф. Чанг сказал, что "до революции 1917 года Россия обладала колониальной империей, которая мало отличалась от других колониальных империй мира". Колонии России, по мнению китайского дипломата, были Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Бессарабия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Восточная Сибирь и часть Манчжурии.

Добрянский особенно поблагодарил в своей телеграмме китайского делегата за то, что, перечисляя "колонии России", он включил Украину в этот перечень.

МАРКА С ПОРТРЕТОМ ШЕВЧЕНКИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Американский филателист Герберт Берл обратился к генерал-почтмейстеру (министру почт) Соединенных Штатов с предложением выпустить в 1961 году новую почтовую марку в уже существующей серии марок с изображени-

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие друзья!

В Буэнос Айресе стоит характерная для этого времени года жаркая погода. Влажность воздуха, достигающая зачастую 70-80 и даже 100%, делает эту жару трудно переносимой даже местными жителями, не говоря о нас, европейцах.

На мне лично, она отражается особенно тяжело. Оранжерейный воздух — влажный и жаркий — лишает меня возможности проводить большую часть дня в постели, как это предписано доктором, дабы урегулировать работу сердца. Постель же превращается в орудие пытки, так как простыни делаются влажными, через несколько минут и, если лежать долго, это горячее и мокрое ложе — невыносимо. Кресло, в котором я провожу эти дни, почти целиком — не дает достаточного отдыха и замедляет лечение... Но, несмотря на все это, я чувствую себя немного лучше, чем две-три недели тому назад. Из состояния человека полубольного начинаю переходить в состояние человека полуздорового... И, я надеюсь, что это улучшение продолжится...

На некоторые, требующие самого срочного ответа письма — отвечаю. Прошу моих корреспондентов еще ожидать моего письма, немного потерпеть.

Вс. Дубровский

ями "борцов за свободу". В 1960 году были выпущены в этой серии марки с портретами Кошути, Массарика, Маннергейма и Падеревского. Берл предлагает прибавить к ним марку с портретом Тараса Шевченко и ссылается при этом на принятый в 1960 году Конгрессом Соединенных Штатов закон, разрешивший постановку памятника Шевченко в Вашингтоне. В тексте этого закона Шевченко назван "борцом за свободу". Берл предлагает также, чтобы марка в честь Шевченко была напечатана в двух цветах — желтом и голубом.

"ТРИ ПИСЬМА В. В. ШУЛЬГИНУ"

Нам пишут из Нью Йорка:

Русским Обще-Воинским Союзом, в сотрудничестве с другими русскими антикоммунистическими организациями, выпущено второе издание брошюры "Три письма В. В. Шульгину". Брошюра содержит статьи С. Л. Войцеховского, Б. К. Ганусовского и проф. Д. Н. Иванцова, написанные в ответ на обращение к русской эмиграции, опубликованное в коммунистической прессе от имени бывшего члена Государственной Думы В. В. Шульгина.

Брошюру можно выписать, написав по адресу:

Р. О. Box 136
New York 24, N. Y., U.S.A.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

1

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

ПОБЕГ

ОБСТАНОВКА

К Медвежьей Горе я подъезжал с чувством какой-то безответной нервной тревоги. Так — по логике — тревожиться как будто и нечего, но в нынешней России вообще, а в концлагере — в особенности — ощущение безопасности — это редкий и мимолетный сон, развеиваемый первым же шумом жизни...

Но в Медвежьей Горе все было спокойно: и с моей спартакиадой, и с моими физкультурниками, и, главное, с Юрий. Я сноса утеса в бараке № 15, и этот барак, после колонии беспризорников, после водораздельского отделения, после ссылочных баб у Повенца — этот барак показался этаким отчим домом, куда я, блудный сын, возвращаюсь после скитаний по чужому миру.

До побега нам оставалось шестнадцать дней. Юрий был настроен весело и несколько фаталистически. Я был настроен не очень весело и совсем уж не фаталистически: фатализм у меня вообще нет ни на копейку. Наша судьба будет решаться в зависимости не от того, повезет или не повезет, а в зависимости от того — что мы провороним и чего мы не провороним. От наших собственных усилий зависит свести элемент фатума в нашем побеге до какой-то quantité negligieable, до процента, который практически может и не приниматься во внимание. На данный момент основная опасность заключалась в том, что третий отдел мог догадываться о злонамеренных наших стремлениях покинуть пышные сады социализма и бежать в бесплодные пустыни буржуазии. Если такие подозрения у него есть, то здесь же, в нашем бараке, где-то совсем рядом с нами, торчит недреманное око какого-нибудь сексата.

Недреманные очи этой публики никогда особым умом не блещут, и если я это око расшифрую, то я уж как-нибудь обойду

его. Поэтому наши последние лагерные дни были посвящены, по преимуществу, самому пристальному разглядыванию того, что делается в бараке.

Хотелось бы напоследок рассказать о жизни нашего барака. Это был один из наиболее привилегированных бараков лагеря, и жизнь в нем была не хуже жизни привилегированного комсомольского общежития на сталинградском тракторном, значительно лучше жизни московского студенческого общежития и совсем уж несравненно лучше рабочих бараков и землянок где-нибудь на новостройках или на торфоразработках — иногда и в Донбассе...

Барак наш стоял в низинке, между управлением городком и берегом озера, был окружен никогда не просыхавшими лужами и болотами, был умеренно дыряв и населен совсем уж неуменьшенным количеством клопов.

Публика в бараке была какая-то перехожая. Люди прикомандировывались, приезжали и уезжали: барак был таким же проходным двором, как всякое учреждение, общежитие или предприятие — текущесть кадров. Более или менее стабильным элементом была администрация барака: староста, "статистик", двое дневальных и кое-кто из "актива" — всякого рода "тройки": тройка по культурно-просветительной работе, тройка по соцсоревнованию и ударничеству, тройка по борьбе с побегами и прочее. Стабильным элементом были и мы с Юрий. Но мы в бараке занимали совсем особое положение. Мы приходили и уходили, когда хотели, ночевали то на Вичке, то в бараке — словом, приучили баракную администрацию к нашей, так сказать, экстерриториальности. Но даже и эта экстерриториальность не спасала нас от всех прелестей советской "общественной жизни".

Официальный рабочий день начинался в девять утра и кончался в одиннадцать ночи с трехчасовым перерывом на обед. Для того, чтобы получить талоны на обед и на хлеб, по этим талонам получать и то, и другое, пообедать и вымыть посуду — требовалось все эти три часа. После одиннадцати наиболее привилегированное сословие лагерников получало еще и ужин, непри-

вилегированное — ужина не многополезной "общественной" для обитателей лагеря "рабочий день". В двенадцать или в половине шестой трикоти громогласно объявляет:

— Товарищи, сейчас будет работе московского автозавода.

Активисты устремляются к обитателей барака. Товарищ Солоневич свою судьбу, доклады, ку старается вложить в 10-15 минут АМО. Никто товарища Солоневича — кроме разве актива. Солнечные ноги свешиваются с нар. Докладные там вопросы — людям склоняется проявить активность. "А у поставлено на заводе рабочее изнутри. Сказал. "А скажите, товарищ

Но товарищ Солоневич поли не собирается, и "сокращение интересует. Поэтому на третий вчает: "Не знаю; все, что знал, кладчик из бывших комсомольцев людиноческий подъем среди народа часа два-три. Революционного как раз и не хватало, особенно

Всеми этакими культурно-приведывал в нашем бараке пожилой сладкой фамилией Аниютин — то бестолковый. У меня относительная (а) он действует, как действует нелепом расчете на честность в свои обещания. Он, де, пять лет ваться на работе, на бессонных

С. Л. Войцеховский

Задисная Книжка

ДЕКАБРЬ 1960

“ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОЕ СБОРИЩЕ”

Есть ли смысл в нашей непримиримости? Г. В. Месняев и я говорили об этом в ноябре, по пути в Филадельфию, где нам предстояло участие в собрании русских противников коммунизма.

Ответ был дан самой поездкой — непримиримость к коммунизму побудила нас ее предпринять. Ответ был подтвержден собранием — оно показало (я это однажды уже написал), что стремление к освобождению России живо в русских сердцах.

Неожиданно, возникло еще одно подтверждение — его создал тот совето-фильский “Русский Голос”, который в сентябре огласил открытое письмо В. В. Шульгина. На этот раз (4-го декабря) он занялся “филадельфийским сборищем”, то есть тем собранием, ради которого Г. В. Месняев и я побывали в Филадельфии. Статья об этом “сборище” подписана псевдонимом, Вадимом Муратовым.

Я по ушам узнал его тотчас — сказал Пушкин об одном из своих современников. Эти слова применимы к Муратову. Его “изящный” слог, его “изысканный” язык удивительно напоминают те нападки на русских эмигрантов, которые появлялись еще недавно в умолкнувшем ныне журнале “советских патриотов” в Нью Йорке, в “Российской Независимости”. Родство обоих первьев несомненно.

— В Филадельфии, — написал Муратов, — слетелись зловещие филины и вороны реакционной русской антисоветской эмиграции... Они излили потоки зловонной лжи и клеветы по адресу великого Октября, столь справедливо и своевременно отринувшего их, этих зачумленных выродков рода человеческого...

“Зачумленными выродками” сотрудник “Русского Голоса” называет А. Л. Толстую, И. И. Сикорского и Б. В. Сергиевского потому, что их Обращение к свободному миру было раздано участникам собрания. Этих участников он именует стариками, “которые лаяли, каркали и плевались на сборище бесноватых в Филадельфии”.

Один из лучших русских публицистов, автор превосходной книги — Г. В. Месняев — для Муратова всего лишь “отрыск разложившегося дворянства”. Меня он награждает рядом “любезных” прозвищ — тут и “лицемерный плакальщик о судьбах русского народа”, и “волк в овечьей шкуре”, и “адепт черной свастики”.

Даже то, что собрание почтило память С. В. Юрьева, привело Муратова в ярость. “Его смерть, — написал он о покойнике, — символична, ибо она служит предвестником близкой кончины тех черных идеалов мракобесия, от имени которых он подвизался в эмиграции”.

“Филадельфийское сборище”, совершенно очевидно, взволновало “советских патриотов”...

ОБ “ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ” В. В. ШУЛЬГИНА

“Открытое письмо к русским эмигрантам”, подписанное В. В. Шульгиным, оказалось пропагандой, которой коммунисты воспользовались и в России. “Известия” пересказали (17-го декабря) содержание этого “письма” и привели из него пространные выдержки.

Один из откликов русской зарубежной печати на “письмо” содержит любопытные сведения о судьбе и поведении Шульгина в советском заключении. Анонимный автор статьи “Что случилось с В. В. Шульгиным?”, напечатанной (7-го декабря) в Сан Франциско “Русской Жизни”, сам побывал в советских тюрьмах. “Не возмущение, а жалость нахожу я в своем сердце”, — пишет он о Шульгине.

— Отбывал В. В. тюремное заключение в той же тюрьме, куда в октябре 1947 года был переведен и я, — продолжает он, — встретились мы с ним в одной камере в конце 1948 года и

провели вместе не то 8, не то 9 месяцев... О каком-либо идейном сдвиге в психологии В. В. в те времена не может быть и речи, и именно общее нам обоним монархическое мировоззрение и одинаковое отношение к революции и прошлому России сближало нас. Всех нас, и в положении уже не подследственных, а заключенных, нередко вызывали на допросы... Как-то раз В. В., вернувшись с допроса, вдруг объявили, что вызывавший его какой-то высокий чин разрешил ему писать в заключении мемуары об его прошлой жизни и деятельности, главным образом, воспоминания о Государственной Думе... В. В. засел за писание своих мемуаров очень рьяно, но через некоторое время он опять был вызван к приехавшему из Москвы прокурору, который ему заявил, что его писания советскую власть совершенно не интересуют: он пишет о Думе, о которой им все известно и без него, от него же они ждут разоблачений о жизни эмиграции и о деятельности во Франции и в Югославии белых антисоветских организаций... Разоблачений, интересующих советскую власть, В. В. писать не собирался и поэтому на этом писание его мемуаров кончилось...

Появление “открытого письма” В. В. Шульгина автор этой статьи объясняет так:

— В 1955 году все иностранцы, в том числе и эмигранты, получили право писать в те страны, откуда они были взяты. Этим правом воспользовался и В. В. и написал жене в Сербию... Жена его загорелась желанием приехать в Советский Союз и поселиться вблизи места его заключения... Визу на въезд в Советский Союз она получить не смогла, но, взамен этого, ей предложили принять советское подданство. Она очень быстро получила советский паспорт, а вслед затем и разрешение выехать в Советский Союз... После освобождения, как эмигрант, взятый из Югославии, В. В. подлежал возвращению в Югославию, но его жена, приехавшая в СССР, как советская гражданка, права на выезд из советского государства получить не могла. Положение для них создалось безвыходное... Долгое время шла переписка между тюрьмой и Москвой... Выход был найден: его поместили в инвалидный дом. Мало того, туда же была принята и его жена... Но над ним постоянно висела угроза, что из этого убежища его в любой момент могут угнать в далекие места... что на старости лет ему опять придется расстаться с женой... Перед ним была дилемма: или написать то “покаянное письмо”, которое так ошеломило людей, знаявших его прошлое, или, уже без жены, быть переведенным в какое-нибудь таежное село...

Это объяснение правдоподобно и осуждение того, что написано Шульгиным, не исключает жалости к нему, как к жертве грубого, жестокого насилия. Сколько бы ни было в его судьбе его вины или оплошности (никто не заставлял его остаться в Югославии и там дождаться “встречи с коммунистами”), эта судьба опровергает утверждение об изменении советской “внутренней политики”. Давление на совесть человека было и остается ее краеугольным камнем...

СЛОВЕСА ЛУКАВСТВИЯ

В “Нашей Перекличке” (№ 12, помещенный январем 1961 года, но вышедший в декабре) напечатана статья А. Дикого: “То, о чем не пишут”.

— Ни для кого не секрет, — говорит Дикий в этой статье, — что среди эмиграции существуют настроения, резко отрицательные к установкам и деятельности свободного мира в, так называемом, “русском вопросе”. Не секрет также и наличие среди эмиграции мнений, одобряющих некоторые действия и мероприятия советской власти в области внешней и внутренней политики.

Как на пример благожелательного отношения эмигранта к внешней политике коммунистов А. Дикий мог бы солаться на самого себя — именно он отозвался в печати положительно о действиях большевиков на Ближнем Востоке и назвал эти действия продолжением российской Императорской политики.

Трудней, казалось бы — если оставить в стороне “советских патриотов” — подыскать пример благожелательного отношения эмигранта к внутренней политике Хрущева и его товарищей, но и в этом нас выручает тот же Дикий:

Н. Потоцкий

“БЕЗ ПЯТИ МИНУТ...”

В заключительной части своей чрезвычайно интересной и поучительной для подавляющего большинства широких масс свободного мира книги, С. Лабэн, подчеркнув еще раз тот факт, что политическая война, ведомая Советами, подвергает этот мир смертельной опасности, говорит о том, как он должен реагировать на эту угрозу, используя находящиеся в его распоряжении ресурсы и динамизм, вместо того, чтобы пассивно выжидать, погружившись в рутину и сонливость.

Прежде всего, необходимо верить в возможность и действенность этой реакции для чего, в свою очередь, с одной стороны, не давать себя запугивать машиной советской пропаганды и инфильтрации, а с другой, не попадаться в ловушку лукавого аргумента попутчиков коммунизма, винчающих нам мысль, что эта пропаганда не опасна, ибо она, в сущности, ни к каким реальным результатам не ведет.

Если машина коммунистической пропаганды колоссальна, это еще не значит, что с нею нельзя успешно бороться и даже ее превзойти. Для этого превосходства не нужен какой-то особенный гений: любая группа людей, снабженная необходимыми средствами, может этого превосходства достигнуть. Если же эта пропаганда, якобы, бесполезна, то почему же Советы затрачивают на нее такие колоссальные усилия? И спрашивается, что могло бы за последние десятилетия стать со свободным миром, если бы он не проявил хотя бы и гораздо меньшие усилия в области контрпропаганды, разоблачая тиерию и ложь коммунизма?

Истина состоит в том, что эта контрпропаганда была до сих пор до смешного незначительна в сравнении с масштабами пропаганды коммунистической, которую ни в коем случае нельзя считать непримитивной крепостью на том только основании, что для овладения ею применялись негодные или ничтожные средства.

Необходимо произвести прежде всего революцию в области дипломатии в соответствии с новыми орудиями политической борьбы, ибо в то время, как советская дипломатия построена так, чтобы служить базой для пропаганды и инфильтрации коммунизма, дипломатия западная руководится правилами и обычаями времен Меттерниха. Но если в те времена дипломатия была лишь шахматной игрой между деятелями одного и того же мира, ныне эта игра идет не на жизнь, а на смерть между государствами, устроенным и функционирующими нормально, и совершенно аномальным Аппаратом мировой гегемонии. Западные дипломаты должны отныне в совершенстве знать

методы работы этого Аппарата; между тем, их невежество и их пассивность в этой области просто невероятны! Этому должен быть положен конец: нынешние дипломаты антикоммунистических стран должны получать специальную подготовку в деле борьбы с коммунизмом и избираться среди тех борцов с ним, которые воодушевлены стремлением к победе. И должна в корне измениться картина, что в то время, как коммунистические посольства превращены в крепости политической борьбы, западные посольства остаются салонами академических международных сношений.

Вторая реформа должна состоять в устранении несогласий между странами свободного мира в их международной политике. Единство Запада должно стать категорическим императивом для всех актов этой политики. И оно требует, чтобы все оборонительные ресурсы свободных стран были включены в единое целое и управлялись единой общей стратегией на основе свободных обсуждений, которые должны установить заранее обязанности каждой страны в случае всевозможных международных кризисов и притом на всем земном шаре. Эта общность, это единство должно отныне выйти за пределы ОТАН-а, ставшие слишком узкими. Старый примат национальный должен отныне подчиниться примату общечеловеческому.

Лицом к лицу с систематическим машиавизмом Кремля западная дипломатия должна пересмотреть свои доводенные правила игры. Она должна отныне следовать следующим правилам:

Она не должна рассматривать СССР согласно традиционным нормам международных отношений. Кремль управляет государством совсем не таким, как другие, ибо под таковою видимостью государства скрывается система, имеющая единственную цель — порабощение всего мира. Никогда нельзя упускать из виду, что СССР имеет два воплощения: один его лицо, это — официальное государство, другой — мировой коммунистический Аппарат, который в любой момент может практически аннулировать любые теоретические обязательства, взятые на себя официальным правительством.

Никогда нельзя забывать двурушничество Советов, которое является их существеннейшим оружием, плотью от их плоти. Для них не имеют никакой ценности никакой подписанный ими договор, никакое произнесенное ими представителями слово. В дипломатической борьбе с ними реально весомыми должны быть только материально ощущимые залоги, как например, западный Берлин или Формоза, которые имеют громад-

ства, и отожествляют коммунизм с русским народом.

Обвиняя в этом свободный мир, А. Дикий сообщает факты, всем известные и не раз вызвавшие — как, например, резолюция Конгресса Соединенных Штатов о “порабощенных нациях” — возражения и протесты русских противников коммунизма.

Эти факты А. Дикий знает хорошо и перечисляет их убедительно. Только об одном он тщательно молчит, не отвечая на вопрос, чем объясняется такое отношение к России.

В наступлении коммунистов на свободный мир А. Дикий замечает только то, что можно подогнать под понятие патриотических успехов — “отобрание от Польши исконных русских земель” и “поднятие обороноспособности страны” едва ли можно называть политической внутренней. Таким образом, от всех доводов А. Дикого в пользу соединения внутренней политики коммунистов с пожеланиями их противников остается только одно: “уравнение в правах русских с инородцами”. Придает ли А. Дикий этому “уравнению” такое значение, что оно перевешивает на его весах все коммунистические преступления?

Назвать коммунистический замысел всемирной революции продолжением политики российских Императоров А. Дикий все же не решается. Объяснять этим замыслом то позднее и слабое сопротивление, которое выражается иногда в свободном мире не только антикоммунизмом, но и русофобией, он, очевидно, не хочет. Поэтому его постройка однобока, его мнения пристрастны, его забота о “достоинстве русских патриотов-антикоммунистов” звучит неубедительно.

С. Л. Войцеховский

ное значение в этой борьбе: Берлин для Кремля важен не как западный "мешок" в занимаемой им территории, но как свидетель свободы, находящийся слишком близко от зоны его диктатуры; и безумием было бы отдать коммунистам Формозу не потому, что ее значение с точки зрения новейшей стратегии ничтожно, а потому, что она является светочем притяжения для китайских масс, порабощенных Пекином, и, именно, как таковой, Мао стремится его уничтожить.

Должно помнить всегда, что торговля в торговых сношениях, культура в сношениях культурных, спорт в обменах спортивных стоят для Кремля на последнем месте. Все эти обмены интересуют их исключительно, как дополнительные пути для коммунистической инфильтрации. (Это должны были бы хорошоенько усвоить наши наивные эмигрантские поклонники всяких "березок", советских балетов, цирков и т. п.).

Если старое дипломатическое правило гласило, что даже в критических случаях лучше продолжать вести переговоры, чем проявлять непреклонность, то в сношениях с Советами это правило не годится никак, ибо они используют эти переговоры исключительно для того, чтобы дурачить своих партнеров и заставить их принять свою точку зрения. Вести игру с шуллером можно только тогда, когда разрешают самим себе применять шуллерские приемы, иначе проигрыш обеспечен. Ярким примером такой игры является август 1939 года: в одной зале Кремля Сталин подписывал договор с Риббентропом, а в другой тот же Сталин вел переговоры с представителями Франции и Англии.

Одним словом, во всех сношениях с Кремлем западная дипломатия должна всегда помнить о том, что все его предприятия и начинания являются лишь аксессуарами для успешной работы его пропаганды и инфильтрации. А потому западные державы должны без всяких экивоков дать понять лидерам коммунистических стран, что они считают именно их, этих вождей, единственными виновниками международного напряжения, как результата их стремления к мировому господству и нарушения ими договоров, которые они заключают; что они не являются представителями власти, политически законной; что западный мир не перестанет требовать предоставления подлинно демократических прав и свободы самоопределения для стран, порабощенных коммунизмом, и что он отказывается от каких бы то ни было конференций с ними, пока они не дадут предварительных и совершенно реальных доказательств своего стремления к установлению подлинного мира между народами. К этим доказательствам относится: объединение Германии на основе свободных выборов; независимость Венгрии; прекращение подрывной работы коммунистов в странах свободного мира; допущение литературы, радио-передач и фильмов свободного мира по ту сторону Железного Занавеса; согласие на взаимный контроль вооружений и при этом на всей территории СССР. Только при принятии этих условий, Западный Мир может согласиться вести какие бы то ни было переговоры с Кремлем и категорически заявить последнему, что до этого момента он будет проявлять полнейшую бдительность и не допустит никакого продвижения коммунистического влияния ни в одном пункте земного шара, ни в какой форме. Только твердость позиции свободного мира может принудить Кремль пойти на уступки. Ибо на "горячую" войну он никогда не пойдет — вся его игра состоит в подрыве своего противника изнутри. История говорит, что когда Запад показывал себя твердым, Кремль не шел на риск осложнений в мировом масштабе: так было с решениями Трумана в вопросе с Кремлем и с Кореей; так было, прибавим мы, совсем недавно, когда представители могущественного СССР были с позором выгнаны из Конго каким-то маленьким, не устрашимым полковником.

Талантливая французская журналистка не ограничивается констатацией того печального факта, что свободный мир находится "без пяти минут" от своей гибели, если только он не проснеться и не проявит максимума понимания своего положения и полного напряжения своей воли к борьбе с Красным Злом. Она бросает горячий призыв о необходимости создания Лиги Свободы, в которой должны слиться все ныне существующие антикоммунистические

организации, начиная от центров изучения коммунизма, дающих миру информацию о действительном положении в порабощенных странах и о самой сущности коммунизма, и кончая активными группировками, стремящимися пробудить антикоммунистическую деятельность в порабощенных Кремлем странах. Все эти организации пока еще разрознены, действия их остаются без необходимой координации, их издания не выходят из круга немногих специалистов или уже убежденных противников коммунизма, и в общем их потенциал в области подлинной борьбы против могучих ресурсов мирового коммунизма остается весьма слабым.

Лига Свободы должна поставить себе следующие задачи:

Объединить для разумно координируемой деятельности ту ежедневную и еженедельную прессу, которая ставит своей задачей "прочищение мозгов" широких народных масс. Специальное Информационное Агентство должно поставлять нужный материал органам этой печати для систематического опровержения лжи коммунистических изданий, фильмов, радио-передач, для подрыва всех видов разлагающего влияния Кремля.

Помимо периодической печати, Лига должна использовать иллюстрированные журналы, брошюры, книги... Необходимо создать международное книгоиздательство, которое выпускало бы неограниченное количество материалов антикоммунистического содержания, давая исход тот позорный факт, когда автор книги такого содержания с громадным трудом находит издателя для своего труда. Лига должна заняться также продюкссией ярких антикоммунистических фильмов в противовес московской кинопродукции: одно изображение действительной жизни народных масс по ту сторону принесло бы колossalную пользу делу борьбы с советской пропагандой с ее лживыми картинами социалистического рая...

Лига должна приложить все усилия к тому, чтобы вовлечь в дело сопротивления советскому тоталитаризму крупнейшие партии и синдикаты, чтобы, хотя бы в этой области, они работали в согласии и единым фронтом, независимо от их политических оттенков, и внушать им древнюю истину: если мы не объединимся, то — погибнем! Сторонники свободных предприятий и социалисты, консерваторы и новаторы, верующие и неверующие, желтые, белые и черные, все должны объединиться по эту сторону баррикад для борьбы против коммунизма, ибо все они — свободные люди и хотят, чтобы их дети и внуки оставались такими же. Утопично требовать от них прекращения всех их несогласий и принципиальных расхождений, но они должны стать локоть к локту повсюду там, где дело идет о том, чтобы преградить дорогу воинствующему коммунизму.

Лига должна распространить свое действие на все страны мира, где люди, осознавшие опасность зла, могут быть мобилизованы для борьбы с ним.

Лига должна организовывать повсюду и при каждом удобном случае манифестации протеста против угнетения народов, порабощенных коммунистами, и выражать солидарность с их жертвами, всячески иллюстрируя их страдания от произвола и жестокостей их красных владык. Пора, наконец, чтобы миллиард несчастных людей, страдающих под игом коммунизма, нашел бы в свободном мире свой рупор для выражения их мучений, чаяний и надежд на освобождение. Из празднования первого мая Лига должна сделать Мировой день солидарности рабочих свободного мира с их братьями, порабощенными коммунистическим режимом.

Нельзя не приветствовать светлых идей и благородных стремлений одной из лучших женщин свободного мира.

Но приветствовать — мало, надо осознать свой долг претворить ее мечты и планы в жизнь. Вот почему я позволяю себе от души посоветовать нашим антикоммунистическим центрам, лигам и движением установить живой контакт с автором книги "Без пяти минут..." для обмена с нею мыслями и для обсуждения конкретных вопросов объединения всех этих организаций в Лигу Свободы вместе с таковыми же организациями в других странах. Думаю, что лучше всего сделать это через нашего соотечественника, неутомимого и активного борца против коммунизма, редактора газеты "Exil et Liberté", Арсения

Г. Месняев

A. С. Хомяков — как человек

Сто лет тому назад, 23 сентября 1860 года, умер, 56 лет от роду, замечательный русский человек, философ, богослов, поэт, Алексей Степанович Хомяков.

Он никогда не был в числе "властителей дум" русского образованного общества. О нем и до революции, и сейчас в эмиграции, русские люди имели и имеют, в сущности, самое туманное и поверхностное представление. Кое-что известно о славянофильстве Хомякова, знают немного об его поэзии и очень смутно об его богословских трудах. Но, едва ли многие из образованных русских людей смогут рассказать о том, как представляется им живая личность А. С. Хомякова, каким он был в самой простой, будничной, обыденной жизни.

А, между тем, личность А. С. Хомякова — очень своеобразная, цельная и исключительно богата одаренная — представляет собой большой интерес и сама по себе, и потому, что он был очень типичен для той среды, к которой принадлежал по рождению, в которой он жил и действовал. Среда эта — лучшая часть русского поместного дворянства — состояла из людей, которые, несмотря на свою высокую и истинную просвещенность, несмотря на свой "европеизм", в лучшем значении этого слова, не только не порвали кровных связей, соединяющих их с русским простым людом, но, наоборот, эту связь считали самым главным в своей жизни, ценили ее в самой высокой степени, ею гордились и всеми способами ее укрепляли.

Люди эти, по своему мышлению, по своей духовной и национальной настроенностям, по своим взглядам, вкусам и привычкам, — были, как бы, одновременно и помещиками и коренными, степенными, рассудительными русскими мужиками. В частности, для А. С. Хомякова немалую роль сыграло то любопытное обстоятельство, что его предок, Федор Степанович Хомяков, был избран помещиком самими крестьянами. Произошло это так: один из Хомяковых, богатый, попечительный помещик, не имевший прямых наследников, задумался над судьбой своих крестьян после его смерти. Он предложил крестьянам самим избрать себе помещика, кого-нибудь из хомяковского рода. Избранные крестьянами ходоки отправились искать по хомяковским вотчинам себе барина по душе, и нашли такого в лице прадеда А. С. Хомякова. Недаром последний всегда считал, что земля принадлежит народу, а помещикам вручено лишь управление ею, в интересах общих.

Главное, что связывало А. С. Хомякова с простыми русскими людьми заключалось в его приверженности к русскому Православию. Эта приверженность не была при этом какой-то барской, снисходительной прихотью, условной, со всякими вольностями и уклонениями. А. С. Хомяков, как удачно сказал Бердяев, "не подчинил свою веру философии", а верил крепко и беспартийно, как верили когда-то простые люди, соблюдая при этом все обряды Церкви. "Обряды церковные, и в особенности посты, — вспоминал долголетний друг А. С. Хомякова, А. И. Кошелев, — он соблюдал строго, никогда притом не осуждая тех, которые в этом отношении действовали иначе.. Он говорил, что содержит посты потому, что Церковь их установила, что не считает себя вправе становиться выше Ее и что дорожит этой связью с народом. В церкви он ходил очень прилежно, и хотя имел привычку вставать по утрам поздно, часы в двенадцатом, однако по праздникам не пропускал обедни и часто ходил даже к заутрени. Молился он много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать".

Подобно простым русским людям своего времени, Алексей Степанович не любил политики. Ведь, в те времена, политика было чуждо рядному русскому человеку. Человек этот считал тогда, что государственное дело

находится и должно находиться в руках Государя и тех, кого он назначил управлять. А он, этот простой русский человек, имеет достаточно дел и забот в своей собственной семье, в своем хозяйстве, в своей среде, где были его общественные интересы.

В письме к А. О. Смирновой, в 1848 году, когда Европа кипела в кotle политических страстей, А. С. Хомяков писал: "Вам известно мое всегдашнее глубокое отвращение от всяких политических вопросов, а я теперь затравлен, заеден политикой... Меня берет злость. Если бы вы, молодцы, думали я, ходили в зипуне, да в косоворотке, вы бы думали о своих домашних да семейных делах, а не о вздоре, до которого вам дела нет, и сами были бы умнее и мне не надоели".

Будучи душой предан свободе и ратуя за нее везде, где это было надо, А. С. Хомяков был убежденным сторонником Самодержавия. Он ненавидел ложь, и ненавидел поэтому западноевропейские парламентские порядки, противясь всячески перенесению их на русскую почву. Он считал, что Россия, где должна быть не формальная, а более полная, человечная свобода, — сумеет согласовать самодержавие с широкой гласностью и с всенародным представительством.

Когда почил Император НИКОЛАЙ I, А. С. Хомяков писал: "Смерть доказала нравственную правоту человека, который столько казался виноватым. Впрочем, я его всегда считал правым.. и винил не лицо, а систему и нас всех. Сумеем ли мы оправдать себя теперь, или наша бездейственность докажет, что мы даже не заслуживаем возможности действовать? Скорых перемен я не жду, но характер будущего царствования будет непременно зависеть от того, кто первые подадут голос: честные или бездуши. Это решит отчасти вопрос: можно ли или нет уважать эту землю; можно ли или нет доверять ей, позволять мыслить вслух и жить общительно? Дай Бог нам того, что недостает у многих: истинной любви к добру, правде и России".

Опасения А. С. оправдались: у русских людей, увы, не хватило "истинной любви к добру, правде и России" — они погубили свою Землю!

Стараясь духовно сливаться с народом, А. С. Хомяков стремился и к тому, чтобы и по своей внешности не отличаться от неевропеизированных русских людей: он носил русское платье, даже выезжал в Англию. Носил он и бороду, хотя в те времена, ношение бороды людям не простого звания было запрещено, и когда он должен был подчиниться такому запрещению, он его пережил нелегко.

Таково, то, что в самых кратких, беглых чертах, характеризует А. С. Хомякова, как человека церковного, патриота и гражданина. Зная, что он был крупным мыслителем, создателем и главой славянофильского учения, богословом и писателем, — можно было бы предположить, что он был в жизни скучным педантом, глубокомысленным, исполненным чувства собственного достоинства, ученым, кабинетным человеком, отделенным от людей и жизни стенами своего кабинета.

Однако, в действительности, этого вовсе не было. Живой Хомяков, Хомяков в обыденной жизни, чарует нас кипучей жизнерадостностью, способностью с увлечением отдаваться практическим интересам, здоровым и естественным жизненным утехам. Он вовсе не похож на вялых, вечно брюзжащих, склонных к бесплодной мечтательности, типичных русских интеллигентов. Совсем наоборот! Хомяков — мужественен, даже воинственен. И это проявлялось не только в том, что он, в свое время, был офицером, участвовал в войне, и, по свидетельству современников, отличался "холодною, блестящею храбростью". Как прекрасно и романтично звучат его слова в письме к матери, в котором он описывал бой, в коем он участвовал: "Я был в атаке, но хотя раза два замахнулся, но не решился рубить бегущих, чemu теперь очень рад".

Таким же мужественным и воинственным он был и в мирной жизни. Он был самый страстный, исключительно искусный и трудно победимый спорщик. В спорах он твердо и беспретерпенно отстаивал свои взгляды, вовсе не

Арсеньевича Гулевича, написав ему по адресу:

7, Avenue León - Neuilly

Paris XVI. France

Не будем терять времени. На часах истории свободного мира действительно — "без пяти минут..."

Н. Потоцкий

считаясь с тем, что взгляды эти могли быть восприняты с иронией и насмешкой.

Одним словом, в практической, обыденной жизни, А. С. Хомяков — это исключительно общительный, бодрый, деловой человек, и, к тому же страстный охотник, лошадник, собачник. У него даже есть статья об охоте и собаках.

На охоту он смотрел вовсе не по-интеллигентски. Вот, что он писал по поводу ее такому завзятому охотнику, каким был С. Т. Аксаков: "...я понимаю пользу доброго и невинного удовольствия (охоты. Г. М.) и считаю делом хорошим все то, что может возвращать человека к удовольствиям, сдружиющим его с природою и отрывающим его от той вялой жизни, в которой нет наше общество... Я в полном праве предполагать, что и охота во всех ее отраслях должна иметь немалое влияние на доброкачественность жизни. И, вправду, сравните румяный лик двадцатилетнего юноши, возвратившегося, скажем, с порохи, с бледною фигурую его ровесника, просидевшего за лото и пропаскавшегося в маскараде: как-то невольно веришь, что молодость лица обозначает такую же молодость и свежесть души".

Замечательно живую и яркую характеристику А. С. Хомякова дал его современник проф. М. П. Погодин. "Хомяков! — восклицает он. — Что была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой ум всеобъемлющий, какая живость, обилие в мыслях!.. Сколько сведений самых разнообразных, соединенных с необыкновенным гармоном слова, текшего из уст его живым потоком!.. И в то же время Хомяков писал проекты об освобождении крестьян за много лет до состоявшихся рескриптов, предлагал планы земских банков... анализировал до мельчайших подробностей сражения Наполеоновы, читал наизусть по целым страницам из Шекспира, Гёте, Байрона, излагал учение Эдды и буддийскую космогонию... И в то же время Хомяков изобретает какую-то машину, которую посыпает на английскую всемирную выставку и берет привилегию; сочиняет какое-то ружье, которое хватает дальше всех, предлагает новые способы винокурения и сахароварения, лечит гомеопатии всех болезней на несколько верст в окружности, скачет по полям с борзыми собаками зимней порошей за зайцами и описывает все достоинства и недостатки собак и лошадей, как самый опытный охотник, получает первый приз в обществе стреляния в цель..."

Вот каков был Хомяков в жизни — деятельный, бодрый, жизнерадостный. Был он прекрасным семьянином, счастливым мужем (женат был на сестре поэта Языкова), любящий и заботливый

РАЗРЫВ С ФЕВРАЛИСТАМИ

ПИСЬМО ВТОРОЕ

"В крови и грязи родился Февраль"... Ив. Солоневич, "Великая фальшивка Февраля" (Изд. 1954 года, стр. 97).

23-го декабря только что истекшего года на торжественном Монархическом банкете, по случаю тезоименинства Великой Княжны Марии Владимировны, где по особым приглашениям присутствовало свыше 80 лиц, начальник Австралийского округа Корпуса Императорских Армий и Флота капитан I ранга Н. Ю. Фомин, открывая банкет,

отец. Семья, семейственность, семейный, добродорядочный, русский, православный уклад — вот, по его мнению, основа всякого общества. О семейном счастье, в одном письме, он говорил: "Оно одно только на земле и заслуживает ими счастья".

В последние годы жизни, после смерти жены, прелест жизни для него была утрачена. Но он не впал в отчаяние и всецело отдался работе.

Умер он с тем же самым мужеством и бесстрашием и так же хорошо, как прожил всю свою жизнь. Умер он внезапно от холеры. Когда его сосед по имени, Муромцев (оставил записку о смерти А. С. Хомякова), навестил больного и спросил его, что с ним, А. С. ответил: "Да, ничего особенного, приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу вылечил, а себя вылечить не могу". Он с радостью принял предложение пособороваться, говоря: "Очень, очень рад!" Во все время совершения таинства он держал в руках свечу, шепотом повторял молитву и творил крестное знамение. За несколько секунд до кончины он твердо и вполне сознательно осенил себя крестным знамением.

А. С. Хомяков всю свою жизнь прошел по прямому, чисто русскому, праведному пути, без всяких стремлений свернуть на боковые, извилистые и неверные тропы, заводящие в тупик. Поэтому-то от всего его духовного облика, веет на нас честным, ясным и благородным духом.

Как велико наше горе, что русские люди, современники А. С. Хомякова и потомки их, особенно, не взяли за жизненный образец прекрасную личность своего замечательного современника, каким был А. С. Хомяков. Они не пошли по пути А. С. Хомякова и его единомышленников, составивших немеркнувшую плеяду тех, кого называют славянофилами. А, между тем, и в наше время, только этот путь, путь Русской Правды, может возвратить нас в нашу землю обетованную!

Г. Месняев

произнес чрезвычайно содержательную и по своей основной мысли ценную речь, которую закончил неоспоримой истиной о том, что "всякая коалиция с духовными наследниками декабристов, с поклонниками Февральной революции... немыслима!" Ибо для истинного сына Национально-Исторической России есть только один путь борьбы с мировым коммунизмом и его гаишами и явными союзниками и попутчиками — это путь нашего русского стародавнего лозунга: "За Веру, Царя и Отечество!"

Данная речь Н. Ю. Фомина горячо и единодушно встреченная всеми участниками банкета, заслуживает особого внимания в наши мутные и смятенные дни. Во-первых, она отвечает желанию Государя нашего и Великого Князя Владимира Кирилловича, чтобы имея под этим лозунгом русские люди, верные до конца историческим идеалам России, сплачивали свои ряды вокруг Него — Законного Наследника Царей и Императоров Российских.

Во-вторых, эта речь крепко скована со всей работой нашего Общероссийского Монархического Фронта и его Исполнительного Бюро, устремляющих все усилие свое на то, чтобы национальные силы Русского Зарубежья не расплескивали свою деятельность на какое бы то ни было соглашение с февральистами, фактически во всех отношениях ничтожными людьми, расписаными и в своем политическом убожестве, и в пошлости своего нравственного состояния, и в своей полной административной бездарности перед лицом октябрьского напора большевистской революции и ее "вождя" — провокатора Ленина, купленного германским штабом для окончательного разложения военных, политических и общественных кругов "освобожденной" России.

И, в-третьих, это слово Н. Ю. Фомина напомнило всем нам, русским по своему духу людям, как важно национальным кругам Русского Зарубежья не колебаться, не теряться, не шататься при выборе попутчиков. Попутчиков у русских националистов нет, — у русских националистов есть либо друзья верные, стойкие, благородные в своей чести и в своей совести, открытые по достоинству своей личности, — либо враги, то откровенные, то прикрывающиеся хламидою косноязычия и политически блудствующие.

Но мы не сектанты и не фанатики, ослепшие для мира и его жизни. Монархизм — самая широкая и самая свободолюбивая форма политической мысли. Особенно ярко эта форма выявлялась при демократическом самодержавии Русских Царей. В какой самой передовой, либеральной и прогрессивной республике наших дней мы можем увидеть на скамьях парламента сидящими

К СВЕДЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Мы живем в трудное и полное событий время.

Наша печать, в силу своих скромных возможностей, не всегда может отразить полностью все события и анализировать их.

Протоиерей Георгий Романов любезно согласился провести цикл обозрений международного положения с православной точки зрения.

Первый обзор будет прочитан прот. Г. Романовым в четверг 16 сего февраля в 19 часов в Доме Русских Белых (Карлос Кальво 2851)

Приглашаются все интересующиеся. Вход свободный.

Союз Российских Антикоммунистов

рядом и откровенных революционеров-социалистов и откровенных монархистов?! Только в Царской России это было возможно.

И, если сейчас мы, русские монархисты, рвем всяку связь с февральистами то вовсе не потому, что хотим съузить объем своей деятельности, а, наоборот, этим мы расширяем и освежаем объем своей деятельности, расчищая свои пути от пустозвонных болтунов — идейных банкротов, все еще мнящих себя "элитой российской общественности". Эти болтуны никогда никакой общественности не представляли и не представляют. Единственно, что они представляли и ныне представляют это — пустой горшок всегда многошумный и этой своей многошумностью вводящий в заблуждение доверчивых, наивных и легковерных людей — на почве их предательства.

Жизнь показывает, а в Сиднее она показала и ярко и наглядно, что всякая коалиция с духовными наследниками Февральной революции, действительно, не только немыслима, но и глубоко злорвредна в плане нашего служения Великому Русскому Делу!..

Основными ценностями Русской Истории являются Монархия и Православие. Монархия в наши дни это самое мощное орудие в борьбе за возрождение России и Царь это единственное Лицо, которому поверит освобожденный народ. А Православие это источник нашего духовного и национального бытия. Господа февральсты ненавидят Русскую Историю с этими ее двумя основными ценностями или, лучше сказать, в силу этих ее ценностей. И если февральсты околачиваются около этих ценностей, то исключительно в силу "партийных соображений".

М. М. Спасовский
г. Сидней, Австралия.

олучало. Во всяком случае, для деятельности" и актива, и прочих "нар" начинался в двенадцать ночи. Первого председатель нашей культ-

доклад товарища Солоневича о

нарам подымать уже уснувших Солоневич слазит с нар и, проклинивая работу и активистов, честно говорит все, что полагается сказать об этом, конечно, и не думает слушать лица маячат над нарами, "босые кончики кончен. "Вопросы есть?" — Кащеев бы заснуть. Но культ-тройка укажите, товарищ докладчик, как "зобретательство". Ох, еще три миллиона докладчик"...

тического капитала зарабатывать срока заключения" его никак не вопрос товарищ Солоневич отвечал... А какой-нибудь "дядя" или коммунистов тему "революция востока" будет размусоливать подъема на востоке — лагерникам — ночью.

осветительными мероприятиями залил петербургский бухгалтер со столбовец, вегетарианец и человек но него было два предположения: большинство лагерного актива, в власти, "на то, что она сдерживает будет из кожи лезть вон, надрывных ночных, проведенных за распи-

сыванием никому ненужной стенной газеты, составлением планов и отчетов по культработе и пр. и пр. — и за это за все ему из семи лет его срока — два года скинут. Расчет этот неправилен ни с какой стороны. За эти пять лет он очень рискует получить прибавку к своему основному сроку — за какой-нибудь допущенный им идеологический перегиб или недогиб. За эти же пять лет — если он все время из кожи будет лезть вон — он станет окончательным инвалидом — и тогда, только тогда, власть отпустит его на волю помирать, где ему вздумается. И, наконец, сокращение срока добывается вовсе не "честным социалистическим трудом", а исключительно большим или меньшим запасом изворотливости и сообразительности. Этими пороками Анютин не страдал. Вся его игра — была совсем впустую. И поэтому возникло второе предположение: Анютин некоим образом прикомандирован в барак для специального наблюдения за мною и Юрием — ни мне, ни Юре он со своей культработой не давал никакого житья. Я долгое время и с большим беспокойством присматривался к Анютину, пока на "субботниках" (в легере называют — "ударниках") не выяснил с почти окончательной уверенностью: Анютином двигают бесполковость и суетливость — отличительные свойства всякого активиста: без суетливости — туда не пролезешь, а при наличии хоть некоторой толковости — туда и лезть незачем...

В свой план работы Анютин всадил и такой пункт: разбить цветники у нашего барака — вот поистине одних цветов нам не хватало для полноты нашей красивой жизни, уж хоть картошку бы предложил посадить...

"Субботник" или "ударник" — это работа, выполняемая в порядке общественной нагрузки в свободное время. В лагере это свободное время бывает только в выходные дни. Три выходных дня семьдесят человек нашего барака ковырялись над пятью грядками для будущих цветов: здесь я наблюдал социалистический труд в крайнем выражении всего его великолепия: работы там было одному человеку на день-полтора. Но, в виду полной бес-

мысливости всей этой затеи, люди работали, как дохлы мухи, лопат не хватало, порядка не было, и когда в трактире десять рабочих дней было сделано пять грядок, то выяснилось: цветочных семян нет и в заводе. Время же для посадки картошки было слишком позднее. И тогда я сказал Анютину: ну, уж теперь-то я продерну его в "Перековке" за "безхозяйственную растрату двухсот десяти рабочих дней". Анютин перепугался смертельно, и это меня успокоило: если бы он был сексотом, то ни "Перековки", ни "безхозяйственности" бояться было бы ему нечего.

Впрочем, несмотря на свою активность, а может быть, и вследствие ее, Анютин скоро попал в ШИЗО: вышел погулять за пределы лагерной черты и напоролся на какого-то активиста из вохровцев. Анютин попал в одну камеру с группой туломских инженеров, которые еще зимой задумали бежать в Финляндию и уже около полугода ждали расстрела... Их жены были арестованы в Петербурге и Москве, и шло следствие: не оказывали ли они своим мужьям помощи в деле подготовки побега... Инженеров, кажется, шесть или семь человек, люди, по всей вероятности, были неглупые, и их судьба висела над нами каким-то страшным предстежерением.

Помню, что когда то, около этого времени, ярким летним днем я сидел в пустом почти бараке: ко мне подошел Юра и прочитал мне номер "Правды".

— Хочешь полюбопытствовать? — в голосе его было что-то чуть-чуть насмешливое. Он показал мне кем-то отчеркнутое жирным красным карандашем. "Постановление Совнаркома СССР". В нем было: за попытку побега заграницу — объявление вне закона и безусловный расстрел; для военных — тот же расстрел и ссылка семьи "в отдаленнейшие места Союза".

Мы посмотрели друг на друга.

— Подумаешь — напугали! — сказал Юра.

— Не меняет положения, — сказал я.

— Я думаю, — Юра презрительно пожал плечами...

Энгельник Наблюдателя

КОРОТКО ОБО ВСЕМ

Что больше всего поражает, то и находит себе первое место в наших заметках. Сегодня это — к вопросу о нравственности. Не о той нравственности, что вы думаете. Речь идет о нравственности адвокатов.

По-современному выходит так: делец Р. Мизрахи "засыпался" на легком контрабандном деле по ввозу в Аргентину без пошлины текстильных товаров. Защитник его прав, сеньор Израиль Рауль Гольдштейн, взялся бороться за его свободу. В качестве меры, за согласие "пересмотреть" дело Мизрахи, Гольдштейн предложил депутатам Аргентинского Конгресса, сеньорам Тонелли и Арайа, принять небольшой дар в сумме трех миллионов песо. Те согласились. На месте встречи, на ул. Буэнос Айреса, Гольдштейн вручил им полтора миллиона. Остальная часть должна была быть выплачена по получении товара, то есть по освобождении Мизрахи. Товар лицом! В момент получения взятки депутаты Конгресса свистнули и появившийся полицейский пригласил адвоката Гольдштейна разделить общество его подзащитного.

Раз уж речь об адвокатах, то и о пиратах уместно сказать. Позорно закончился эпизод пиратского захвата португальского океанского парохода "Санта Мария". Бандиты захватив корабль, думали сойти за политических борцов. Никто их не поддержал. Они интернированы в Бразилии, а корабль возвращен Португалии. Дело стоило жизни помощнику капитана.

Бразилия пережила большую встряску из-за дела "Санта Мария". Реакция ее властей, возглавленных новым Президентом Жанио Куадросом, проявила значительную мягкость ко всему, что носит розовый или больше оттенок. Жанио Куадрос, 22-й Президент Бразилии, перед тем, как принять власть, побывал в Англии, а на пути домой заехал на Кубу, где имел встречу с Фиделем Кастро. Речь Президента Куадроса при восхождении на пост, носила двуличий вид. Он отметил, что нынешний век есть век освобождения стран от векового иностранного владычества, заявлял о своей вере в народ, в свободу и демократию (это у них такой символ веры), сделал намек, что готов на сближение со всеми добрыми силами (это понято, как готовность признать Красный Китай и СССР), но косвенно высказал резкую критику Кастро и его мер. "Мы, дескать, не позволим таких мер, чтобы попирались демократия и чтобы крестьянство потеряло землю". Надо сказать, что положение Бразилии чрезвычайно запутано. Большой заграничный долг, моральное положение чиновничества, и ко всему политические волнения со стороны населения, возбуждаемого социалистами.

Сейчас еще рано зачислять Жанио Куадроса в кастриты. Для этой роли в Бразилии есть другие персонажи. Самый заметный из них — Франциско Жулиано. Социалист, клянущийся, что он не коммунист (интересную взяли нынче формулу, не правда ли?), он в провинции Пернамбуко ведет демагогию среди беднейшего крестьянства, натравливая крестьян на дело захвата земель. Он весьма популярен среди безграмотного крестьянства, так как не жалеет обещаний и возбуждает бунтарский дух. За этой фигурой надо наблюдать наиболее внимательно.

Куадрос, как и все Бразильские Президенты, избран на пятилетний срок.

Разговор о Президентах напомнил о недавних выборах Кеннеди в Сев. Америке. Имя Айка уже начинает забывать, Кеннеди привыкает к президентскому креслу, но пока что он не нашел его очень удобным. Чем больше он вникает в дела, тем сложнее они оказываются. Особенно в международном плане.

Вопросы разоружения, проблема Берлина, Конго, Лаос... все это висят на пятачке, не обещая много хорошего.

Пока что, в ожидании ясности советской политики, Кеннеди распорядился цензурировать речи военных, чтобы те не задели каких-либо нежных "струн душ" тов. Хрущева. Близкая сессия ООН покажет будущее с несколько большей ясностью. Там будет выступать Стивенсон. Блестящий оратор! Вот бы послушать.. Его конек, говорят, — всемирное братство народов.

В Америке произошли большие события: 31-го января послали шимпанзе, "Хэм" по кличке, в стрatosферу. Этот "Хэм" слетал, в межпланетное пространство, вернулся и говорит, что, где, там наверху холодно.. Виноват. Не обезьяна говорит, а ее инструкторы. Одним словом, американцы удостоверили, что при пользовании разработанной ими аппаратурой, обезьяна может выдержать полет скоростью 5.000 км. в час. А раз может обезьяна, то может и человек. Эта весть Никите Сергеевичу, как... одним словом, очень для него не приятная весть.

Американе же взялись за дело всерьез. Сейчас удостоверено, что у них есть снаряд "Майньютмен", и этот снаряд летает на без малого десятка тысяч километров и в цель при этом попадает. Это — новое оружие нападения для доставки атомных бомб в любые административные и промышленные центры противника посредством нажима кнопки в Вашингтоне.

Вторым снарядом оказывается "Бомбардир Б", имеющий назначение и способность сбивать посылаемые противником снаряды и бомбы разного характера. Так Америка гарантирована от неожиданного нападения.

Третьим снарядом является "Самос". Это спутник, давно находящийся в работе. Он фотографирует любую точку в мире и снимки посылает на стол командира. В Америке его называют не бесным разведчиком: "Sky-spy".

Это все заставляло бы думать, что Хрущев на следующей сессии ООН будет шелковый. Ни по столу стучать не будет, ни сапог не будет снимать. Тем более, что у него тяжелейший кризис колхозного плана. Но если присмотреться к делам в Конго, то возникает вопрос, — а так ли это?

Конго стоит на пороге гражданской войны. Войны страшной, ибо она, повидимому, дойдет до поедания врагов тут же у костра, после боя. И еще интереснее то, что трудно понять по какую сторону порога находится эта война. То ли она вот-вот начнется, то ли она уже находится в полном разгаре. Страна разделена на два лагеря: лумумбисты с одной стороны, мобутисты — с другой. К последним относится Президент Касавубу и министр иностранных дел Бомоко.

Силы ООН занимают положение пассивности, содействующей лумумбистам. Лумумбины сторонники из-за границы (страны блока Касабланка, т. е. Гана, Гвиана и другие, что водят дружбу с Москвой) собираются увести своих солдат из частей ООН, на что Касавубу говорит, что чем скорее все чины покинут Конго, тем лучше для порядка и для дела мира. Бомоко заявил, что Чехия снабжает лумумбистов оружием, а оружие захвачено после боя, в котором участвовало около 20.000 человек.

Даг Хаммершильд в ООН предлагает лишить армию генерала Мобуту возможности политической борьбы, на что Мобуту отвечает, что это обозначает полную невозможность остановить гражданскую войну. Зорин требует освобождения Лумумбы, полного разоружения армии Мобуту и т. п. мер, обеспечивающих быструю победу большевизма в Конго. Пока что ООН обсуждает все меры. Между тем самолеты типа "Ильюшин" продолжают поступать к лумумбистам в Конго от "одной иностранной державы".

Политическая мысль тщетно бьется над задачей — установить источник происхождения самолетов "Ильюшин".... На фоне этих комбинаций особенное значение приобретают недавние слова Кеннеди. Он сказал, что провал акции ООН в Конго может толкнуть США принять на себя ответственность и целиком взять на себя дело восстановления Конго.

"Положение становится все более серьезным. Сила коммунистического Китая нарастает. Интервенция коммунистов в критические области Лаоса, Кубы и Конго, выражаясь в поставке туда оружия, становится все более и более значительной. Поэтому в свете этой условной угрозы, мы должны рассмотреть, располагаем ли мы достаточной силой не только в отношении атомного оружия, удерживающего войну, но и на случай войны ограниченной".

Термин об "ограниченной войне" мелькнул впервые. Каково его значение,

ние, пусть судят специалисты военного дела.

Ушел в отставку Бен-Гурион. Причиной ухода называют его размолвку с партией "Мапай", по поводу дела министра Лавона, которое началось еще в 1954 году. Ясности в сообщениях найти не удалось.

В Польше коммунистическая власть запретила преподавание Закона Божия в школах, так как он является "основой фанатизма, нетерпимости и разделения между детьми". Гомулик еще и не то устроил. Степень коммунисты умеют мягко, а потом видно будет.

В Аргентине запущен с большим успехом первый ракетный снаряд. Он поднялся на высоту 20.000 километров.

Доклады правительственные чиновников Аргентины говорят о неуклонной стабилизации аргентинского песо. На днях официальным декретом правительства на 10% снижена цена на бензин. Остается с замиранием сердца ждать, — последуют ли за бензином другие цены?.. Иностранный капитал охотно открывает кредиты Аргентине, поддерживая убеждение, что за словами правительственных чинов кроется твердая, солидная база.

А на завоеванной большевиками Кубе — кошмар.

Из речи начальника Института Аграрной Реформы, Антонио Ну涅с-Хименеса: революция, говорил он, долго терпела контрреволюционеров, "но одновременно, с этим же самым терпением, мы станем камнем за камнем, возводить такую стену для расстрелов, какой еще не видела история человечества, для того, чтобы покончить с врагами революции".

Толковый ученик попался лубянским чекистам! Должно быть кончил школу с золотой медалью.

И расстрелы продолжаются. Для восстановления добрых отношений с правительством Кеннеди, Кастро воздержался строго осудить трех американских юношей, пойманных при акции борьбы с антикастристами. Вместо этого каждому из них дали 30 (тридцать лет) тюремы. Кеннеди, верно, умилился от такого Кастриного великодушия, не правда ли?

Но Кастро недоволен своими судами. Последним актом его юридического рвения является безапелляционное устранение от должности ста двадцати судей. Все они обвиняются в склонности к контрреволюции. Из всех данных о делах Кастро надо твердо помнить, что наибольшую часть приговоров выносят тройки особого заседания. Об них в газетах не пишут.

Да будет же проклят от всего живого этот злодейственный коммунизм, полишающий кровью "до конских узд" ту землю, которую овладевает его ангента!

А в специальном докладе кубинского правительству, генеральный секретарь коммунистической партии Кубы Блас Рока требует от Кастро, чтобы тот усиливал воинственную наступательную программу и не давал никому ни в чем никакой уступки. "Кубинская революция подтвердила верность основного тезиса марксизма-ленинизма", — говорит Б. Рока.

Правительство Фиделя Кастро конфисковало имущество испанской графини Ревильо де Камарго. Золото, серебро, драгоценности и предметы искусства, в том числе картины Гойи и т. п., оцениваются в "несколько миллионов американских долларов". Так происходит грабеж, а люди молчат, словно бы это так полагалось. Есть ли мера демократическому терпению?

Куба окончательно легла в фарватер советской экономики. Там продают даже часы советской работы. Продают в тридорога, но покупать приходится. Других нет.

"Русское влияние ощущается повсюду. На днях газеты сообщили следующее.

Был в Гаване самый роскошный ресторан. Он назывался "Рай" (Эдем). Название, надо сказать, для ресторана непозволительное. Теперь этот ресторан пересторонили и переименовали. К восторгу кастритов его назвали настоящим русским названием. Он отныне именуется "Балалайка". Ай да, молодцы кубанцы! Но уж стиль, так стиль. При открытии, официанты были одеты в русские рубахи, подавались экзотические блюда, борщ, икра, почки, коктейль а-ля-Владивосток, и оркестр играл русскую народную песню "Очи черные". Так, представьте себе, и сказано: "русскую народную песню".

Наблюдатель

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAÍS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, São Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Russo), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. R. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave, 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivochieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoless, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboom-stücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athene.

Holland: Mr. S. Michailoff, Boven-brugstr. 3, Arnhem.

AUSTRALIA

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond St., South Wentworthville, N. S. W.

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buderim, Q-d.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Соловьевичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина 6 песо
САСШ и Канада — 30 цент.

Бразилия — 18 крузейро

Венесуэла — 1 боливар

Парагвай — 10 гуарани

Уругвай — 1 ур. песо

Чили — 75 чил. песо

Австралия — 1 ш. 6 пен.

Англия — 1 ш. 3 пенса